

Дискусія

Е.Ю. МУРАТОВА

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Исследуются элементы несистемности и асимметрии поэтических текстов. Доказывается, что поэтический язык представляет собой систему, имеющую свою специфику.

The article deals with poetic language consistency. The author proves that poetic language should be viewed as a system. It is pointed out that poetic language consistency has its own peculiarity, which makes it different from the one of the natural language.

Серьезной и неоднозначно решаемой проблемой современной лингво-поэтики является следующая: в какой степени центральная дихотомия Соссюра *язык/речь* может быть применима к поэтическому языку? Иными словами: является ли поэтический язык системой?

Для ответа на этот вопрос вначале сделаем несколько предварительных замечаний, касающихся системы естественного языка. Освоение идеи системности разными науками привело к возникновению в 30-е гг. XX в. общей теории систем, в которой общепринятым является представление о том, что система - это некоторая совокупность взаимосвязанных элементов, образующих некоторое единство. Но мнения ученых на языковую систему (как и на структуру языка) до сих пор расходятся. Так, А.А. Реформатский считал, что система - это связь по горизонтали, то есть синтагматическая связь языковых единиц (причем однородных взаимообусловленных элементов) (см. Реформатский 1957, 28); английские структуралисты, наоборот, утверждали, что системой являются парадигматические отношения, а синтагматические относятся к области структуры языка (см. Robins 1964, 49); Б.А. Успенский писал: «Под системой... мы понимаем... некоторое множество объектов (конечное или бесконечное), отношение между которыми описывается по двум осям - синтагматической и парадигматической (чисто синтагматическая или чисто парадигматическая модели бессодержательны в лингвистическом отношении)» (Успенский 1965, 172); Н.Д. Арутюнова определяет систему как сеть отношений между некоторыми элементами (см. Арутюнова 1968, 104). Наиболее объективным мы считаем определение языковой системы, согласно которому система языка представляет собой «имманентное материалу (внутреннее) членение (многосторонне взаимообусловленных) элементов или языковых средств, которые могут быть формально выявлены путем либо парадигматического, либо синтагматического анализа, либо того и другого совместно» (цит. по: Общее языкознание 1972, 62).

Понятие системности естественного языка градуально, то есть допускает различные степени системности - жестко и нежестко структурированные. Элементы несистемности и асимметрии являются характерными чертами языковой системы. Так, в уровневой модели языка неодинакова степень системности различных ее уровней: чем меньше единиц в ярусе, тем он более системен, чем их больше, тем вероятнее большее число микросистем; в полевой системе языка ядерные элементы концентрируют в себе максимальный набор полеобразующих признаков, а периферию образуют языковые единицы с неполным набором этих признаков, то есть участки строгой системности сочетаются с несистемностью периферии. Все эти характеристики важны при исследовании поэтического языка.

В отношении поэтического языка в модусе проблемы системность/несистемность можно выделить три точки зрения.

Первая (наиболее распространенная) **точка зрения**: поэтический язык - структурно-функциональная система, то есть, с одной стороны, она представляет собой совокупность устойчивых взаимоотношений между входя-

щими в нее единицами, а с другой - является системой средств выражения, служащих определенным целям. Поскольку материалом поэтического языка является естественный язык - функционирующая семиотическая система, постольку в поэтическом языке должны сохраняться и основные имманентные признаки этой первичной системы, а значит, и сам принцип системности. Какие бы преобразования ни осуществлялись над единицами поэтического языка, они неизменно представляют лингвистическую номенклатуру: фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения, то есть остаются единицами языковой системы, что является серьезным аргументом для понимания поэтического языка как системы.

Важнейшими структурными принципами внутреннего развития поэтического языка являются следующие: 1) наложение сходства на смежность, ведущее к контекстуальной синонимии, 2) контекстуальная полисемия, 3) принцип контраста.

Первый из них был сформулирован Р. Якобсоном в его статье «Лингвистика и поэтика»: «Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» (Якобсон 1975, 258). В поэзии регулярно повторяются эквивалентные единицы, принцип повтора осуществляется на всех языковых уровнях. Существуют традиционные повторы и развиваются новые. Сходство, наложенное на смежность, придает поэзии символический характер, многообразие, полисемичность.

Второй принцип внутреннего развития поэтического языка - контекстуальная полисемия, то есть многозначность и семантическая неопределенность слова в поэтическом контексте, реализация словом одновременно нескольких значений. Виды полифонии слова в поэтическом языке разнообразны: это одновременное сосуществование в контексте прямого и переносного, современного и архаического, книжного и просторечного, узуального и окказионального значений слова. Для иллюстрации данного принципа приведем строки из стихотворения М. Цветаевой (Цветаева 1994-1995): *...И если сердце, разрываясь, / Без лекаря снимает швы, - / Знай, что от сердца - голова есть, / И есть топор - от головы...* Если в третьей строке слово *голова* употреблено в своем переносном значении (ум, рассудок), то в четвертой строке оно включает одновременно и прямое значение (часть тела) и переносное. В результате такого наложения ясно читается цветаевская мысль: процесс думания, «страдания» ума в человеке может остановить только смерть. Одновременная реализация разных значений слова *голова* подчеркивается и окказиональным управлением: не просто топор, отрубаящий голову, но топор *от головы*.

Принцип контраста в поэтическом языке реализуется в таких его видах, как семантический, стилистический, семантико-стилистический, ритмико-синтаксический, композиционный. С развитием поэтического языка наблюдаются и более сложные виды контрастов, организующих синтагматику стиха, резкие сочетания сходств и различий, рождающие «гармонию контрастов» или дисгармонию: 1) *Он был любовником любви. Испепеляющий. Испепеленный* 2) *Два на миру у меня врага, / Два близнеца - неразрывно слитых: / Голод голодных - сытость сытых!* 3) *Все спящей видели меня, / Никто меня не видел сонной* 4) *Кто уцелел - умрет, кто мертв - воскреснет* 5) *Житие - не жисть! - / Разучился грысть* 6) *Вы - с отрывками. Я - с книжками.*

Важную роль в поэтическом языке играют грамматические оппозиции, которые влияют на смысл и, следовательно, усиливают семантический контраст поэтического произведения: 1) *Так писем не ждут, / Так ждут - письма* 2) *Все у Господа - сыны, / Человеку надо - сына* 3) *Не умереть хочу, а умирать*. Противопоставление может происходить на уровне предположно-падежных сочетаний, когда особо подчеркивается оппозиция пред-

логов: *Без бога, без хлеба, без крова, / Со страстью! Со звоном! Со словом!* Даже формы слов могут углублять семантический контраст: *Времени у нас часок, / Дальше вечность друг без друга!*

Вторую точку зрения на системность/несистемность поэтического языка можно назвать «переходной», или компромиссной. По Соссюру, язык - это замкнутая система знаков, позволяющая производить бесконечное множество высказываний. Такое понимание системы неприемлемо для поэтического языка, поскольку трудно выявить определенный корпус правил, позволяющих производить поэтические высказывания. Поэтический язык сложен и многоаспектен, в нем постоянно происходят изменения на разных уровнях, непостоянны способы использования языковых средств, поэтому для выявления системных отношений в поэтическом языке необходима определенная точка зрения, позволяющая обнаружить системность. Так, Э. Косериу предложил разделить *абстрактный* язык (язык в смысле Соссюра) и *реальный* язык в своем конкретном существовании. По отношению к реальному языку система - это «система возможностей», противопоставленная норме как «системе обязательных реализаций» (Косериу 1963, 147). Понимание языка как системы возможностей - это одно из оснований, определяющих явление системности в поэтическом языке.

Третья точка зрения на системность поэтического языка противоположна первой и второй. В некоторых работах утверждается, что язык как система присутствует в лингвистике, но не в сознании говорящих. Словесному поэтическому творчеству приписывают как раз не системность, а иррациональность, неподчиненность языковым правилам и нормам (см. Ревзина 1998).

Подтверждающей именно такую точку зрения является, на наш взгляд, гипотеза Ю.Н. Караулова, изложенная им в статье «Еще один аргумент» (см. Караулов 1975), в которой он утверждает, что поэтический текст максимально приближен к внутренней речи, к потоку сознания автора. В качестве доказательства своего предположения Ю.Н. Караулов приводит примеры стихотворений Бальмонта, Гумилева и других поэтов. Для наглядности мысли ученого приведем четыре строчки: *Душа в блаженстве тишины / Тем безвозвратней, глубже тонет / Чем злее страсть, безумней сны / И чем сильнее буря стонет.* Стихи переписаны с конца. Читатель легко восстановит оригинал, двигаясь по строчкам снизу вверх. Такие стихи, допускающие практически равное прочтение от начала к концу и от конца к началу, являются наиболее полным отражением именно внутренней речи (исключая пунктуацию и интонационные характеристики) с ее нерелевантностью порядка следования частей во времени. Подобное прочтение не касается, конечно, фабульных стихотворений, которые принципиально не подчиняются такому приему, поскольку их действие протекает в «реальном времени». Многие стихи Мандельштама, Бальмонта, Ахматовой (кроме фабульных вещей) прочитываются с конца, а вот стихи Цветаевой и Бродского «не оборачиваемы». Опыт таких прочтений дает основание ученому сделать следующее предположение: чем полнее оборачиваемость стихотворения, тем ближе его текст стоит к потоку сознания, к внутренней речи автора; и наоборот, чем больше синтаксических несвязностей, аграмматизмов, асемантизмов и алогизмов возникает при применении этого приема, тем больше трансформаций претерпел исходный поток внутренней авторской речи на пути к читателю, то есть тем большей степени обработки на поверхностно-языковом уровне он подвергся под рукой автора.

Все три точки зрения на системность/несистемность поэтического языка отражают его объективную и неоднозначную сущность: поэзия диалектична по своей природе, системность поэтического языка может быть эксплицитной и имплицитной, проявляться на поверхностно-языковом уровне или сохраняться в глубинных структурах языка.

Мы считаем, что поэтический язык является системой: в нем можно выявить все системообразующие факторы: субстанцию, то есть единицы языка, внутреннее содержание которых проявляется через их взаимоотношения и взаимообусловленность; структуру как совокупность устойчивых взаимоотношений между языковыми элементами; наличие синтагматических, парадигматических и иерархических отношений; многоуровневое устройство поэтического языка, то есть наличие в нем языковых уровней и подуровней.

Поэтический язык системен на уровне выразительных средств, которые задаются в реальности и в потенции языковой системой, определяющей не только возможный инвентарь выразительных средств, но и их объем. Как бы ни были они разнообразны и индивидуальны, тем не менее можно четко выделить три основных типа выразительных знаков (см. Ревзина 1989). Первый тип - это выразительные, как правило, стилистически окрашенные знаки естественного языка (морфемы, слова, синтаксические конструкции, стилистически маркированные фонетические явления). Второй тип - индивидуальные выразительные знаки, которые образованы разнообразными системно заданными способами. Для поэзии, например, характерно расширение семантической валентности глаголов. Проиллюстрируем это утверждение следующим примером из М. Цветаевой: *К двери светлой и певучей / Через ладанную тучу / Тороплюсь*. У глагола *тороплюсь* появляется валентность маршрута. Но существенным здесь для наших рассуждений является не сам факт расширения валентности, а то, что это явление принадлежит не собственно поэтическому, а естественному языку, для которого характерно изменение семантических валентностей глаголов, например, в разговорной речи, т. е. значительная часть выразительных средств в поэзии, при всей их неповторимой индивидуальности, объективно задана системой естественного языка. Третий тип - выразительные знаки, заданные текстовыми способами. Они принадлежат именно художественным текстам. Расподобление поэтического и практического языка касается в первую очередь текстовой художественной структуры, что особенно наглядно проявляется в поэтических текстах, для которых характерна семантизация первично несемантизированных уровней (фонетика, графика, пунктуация, ритмомелодическая структура). Текстовая заданность во многом и определяет специфику поэтического языка.

Говоря о системности поэтического языка, подчеркнем, что его системность проявляется во многих случаях иначе, чем в естественном языке. Это касается в первую очередь языковых уровней поэтического языка.

Уровневая модель естественного языка до сих пор вызывает много споров. Если вопрос об основных уровнях большинством ученых решается более или менее единообразно, то вопрос о количестве и качестве подуровней языка остается дискуссионным. Назовем основные промежуточные уровни языковой системы, так или иначе упоминаемые в современной лингвистической литературе: морфонологический, словообразовательный, фразеологический, интонационный, стилистический, а также семантический и уровень дифференциальных признаков, из которых два последних одни ученые относят к основным (S. Lamb), другие - к промежуточным уровням. То, что в уровневой модели естественного языка является главным, в поэтическом языке зачастую становится второстепенным, и наоборот. Например, морфонологический и словообразовательный подуровни в поэтическом языке играют значительно более важную роль, чем в языке национальном. И.А. Бодуэну де Куртенэ принадлежит мысль о роли альтернации фонем в морфемах, получившая развитие в работе Н.С. Трубецкого «Некоторые соображения относительно морфонологии», под которой он понимал морфологическое использование фонологических средств языка. Главной проблемой, касающейся подсистемы морфонологии, является

отсутствие базисной единицы, о чем писал А.А. Реформатский: «Никаких морфо/фо/нем как особых единиц не существует» (Реформатский 1970, 14). На современном этапе развития лингвистики, как думается, правы те, кто не считает необходимым вычленение основной единицы подуровня. По мнению Э.А. Макаева и Е. С. Кубряковой, промежуточные уровни связаны не столько с вычленением или отождествлением каких-либо единиц, а с изучением того или иного аспекта его организации.

Специфична в поэтическом языке может быть и взаимосвязь между его отдельными уровнями. По мнению Ю.М. Лотмана, иерархия уровней структуры поэтического произведения строится не от фонемного к более сложным, а от «уровня слова» вверх и вниз, поэтому поэтическая структура «меняет соотношение элементов внутри речи... и у слова резко возрастает количество связей внутри системы» (Лотман 1964, 111).

Принципиально важным при анализе системы поэтического языка является исследование функционирования в нем языковых единиц как семиотических знаков. За счет активизации микросистем языка звук в поэзии оказывается «озвучен» в гораздо большей степени, чем в естественном языке. Например: 1) *Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами, / Дамами, думами;* 2) *Мох - что зеленый мех;* 3) *Цвет, попранный светом. / Свет - цвету пятой на грудь;* 4) *Пишет - ровно плугом пашет;* 5) *Все-то мечется! Все-то мучится!;* 6) *Русь - кулашная - калашная - кумашная; Сын - утесом, а дочь - утехой;* 7) *Мстить мостами;* 8) *Не спевка, а сплёвка: ...Торопкая склёвка;* 9) *Возращу и возращу сторицей;* 10) *Сверхбессмысленнейшее слово: Рас - стаемся. - Одна из ста?;* 11) *Заблудшего баловня вопль: домой! Дитя годовалое? «Дай» и «мой»!*

Актуализация в поэтических текстах фонетического значения слова, яркое проявление асимметрии языкового знака, основанное на гораздо большем, чем в естественном языке, взаимовлиянии означающего и означаемого, образует специфический фонетический уровень в системе поэтического языка. Сходные по звучанию слова в поэзии сближаются и по значению, то есть сосюрковское положение о произвольности языкового знака часто не подтверждается в поэтическом языке, на что обратили внимание лингвисты еще в первой половине XX в.

Таким образом, поэтический язык представляет собой систему: ему присуще многоуровневое устройство, полифункциональность с преобладанием поэтической функции, наличие синтагматических, парадигматических и иерархических отношений, системность выразительных средств. При этом система поэтического языка имеет свою специфику, которая проявляется в уровневой модели поэтического языка, во взаимосвязи разных уровней, актуализации фонетического значения слова, активизации отдельных микросистем, в расширенных и нестандартных связях между единицами поэтического языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
- Караулов Ю.Н. Еще один аргумент // Филологический сборник. М., 1975. С. 209-219.
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.
- Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. Труды по знаковым системам. Тарту, 1964. Вып. 1.
- Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1972.
- Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в поэтике // Проблемы структурной лингвистики. 1985-1987. М., 1989. С. 134-151.
- Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания идиолекта: Дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. доклада. М., 1998.
- Реформатский А.А. Что такое структурализм? // Вопросы языкознания. 1957. № 6. С. 27-39.
- Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965.

- Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М., 1994-1995.
Якобсон Р. Лингвистика и поэтика//Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
Robins R. General linguistics. London, 1964.

Поступила в редакцию 12.06.06.

Елена Юрьевна Муратова - кандидат филологических наук, докторант кафедры русского языка.